

СИМВОЛИКА В ВОЕННОМ ЗОДЧЕСТВЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

К. С. НОСОВ,

доцент кафедры истории российской государственности
Исторического факультета ИГПиПГИ РАНХиГС, д.истор.н.
(г. Москва, Россия)

Исследователей, обращавшихся к теме крепостного строительства в Московском государстве, интересовали либо сугубо военно-инженерные особенности конструкции, либо сакральная значимость объектов, заключенных внутри периметра кремлевских стен. В данном докладе мне хотелось бы обратить внимание на неслучайность и символичность некоторых конструктивных элементов крепостного зодчества XVI–XVII вв.

Хронологически мы ограничимся двумя столетиями — временем с конца XV в. и до конца XVII в., то есть с начала широкого крепостного строительства при первом «государе всея Руси» Иване III и до начала коренных преобразований Петра I. Это время характеризуется совершенно особым стилем в военной архитектуре.

Что же это было за время? В истории европейской крепостной архитектуры это было время революции, ломки старых средневековых форм и перехода к фортификации Нового времени. Спровоцирован этот переход был усовершенствованием появившегося еще в XIV в. огнестрельного оружия. К середине XV в. огнестрельные орудия достигли такой мощности, что стали конкурировать с метательными машинами в разрушении военно-оборонительных сооружений. В результате фортификация вынуждена была принципиально измениться, чтобы достойно противостоять быстрому прогрессу огнестрельного оружия.

Поиск новых форм привел в конце концов к рождению бастиона — пятиугольного в плане оборонительного сооружения, направленного острым углом к противнику. В последние три десятилетия XV в. в Италии впервые начали экспериментировать с укреплениями переходной к бастионной формы. К началу XVI в.

эксперименты завершились, и бастион был открыт. Первооткрывателями бастионного фронта обычно считают итальянцев, хотя идея бастиона витала в воздухе Европы с середины XV в. Прототипы бастионов можно проследить во Франции, Испании, Германии. Но, пожалуй, самым сильным конкурентом в борьбе за первенство является крепость госпитальеров на Родосе. Еще в 1460-е гг. перед некоторыми башнями и воротами Родосской крепости были построены пятиугольные в плане и направленные острым углом к противнику бульварки-барбаканы, отличавшиеся от истинных бастионов лишь тонкими стенами и отсутствием земляной присыпки сзади, в связи с чем они не могли выдержать сильный артиллерийский огонь. Эти недостатки вскоре были исправлены. Истинным бастионом стал возведенный в 1496 г. Бастион св. Георгия Родосской крепости. Это мощное пятиугольное с земляной засыпкой артиллерийское сооружение появилось одновременно — если не раньше — с первыми полноценными бастионами в Италии.

Что же происходит в это время в России? В 1472 г. Иван III женится на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога. Это предопределило тесные контакты великого князя с Италией. Уже в 1475 г. в Россию прибывает первый из приглашенных итальянских зодчих Аристотель Фьораванти. Вслед за ним в 80-90-е гг. XV в. по приглашению Ивана III в Москву приезжают все новые и новые группы итальянских мастеров («стенных, и полатных, и пушечных, и серебряных»). Эти мастера строят в России выдающиеся памятники культового зодчества, налаживают производство кирпича и пушек и открывают новую эпоху в отечественной крепостной архитектуре. Строившиеся под руководством

итальянских зодчих или копировавшиеся с уже построенных памятников крепости в последнее время иногда даже называют «кремлями в итальянском стиле».

В советской историографии итальянское влияние на русскую крепостную архитектуру отрицалось — во всем было принято видеть черты самобытности. Но в последнее время появился ряд работ, доказавших и раскрывших итальянское влияние на русскую фортификацию времени Московского государства. Конечно, исследования в этой области еще далеко не завершены. Но уже можно уверенно утверждать, что итальянское влияние было очень сильным и существенно изменило облик русских крепостей. Оно было прогрессивным, хотя и не новаторским.

Итальянские зодчие проработали в России всего около 60 лет (с последней четверти XV по примерно первую треть XVI в.). Однако за это время при их участии было построено множество крепостей (первыми стали Новгородский и Московский кремли), и они привнесли в русское военно-инженерное искусство множество итальянских черт. Эти итальянизмы настолько прижились на Руси, что прослеживаются в русской военной архитектуре вплоть до XVII в., а в монастырских оградах и позднее.

В данной работе мне бы хотелось остановиться лишь на одной, но, пожалуй, самой заметной черте итальянского влияния — зубцах в форме ласточкиного хвоста, иногда называемых также «двурогими». Такие зубцы типичны для итальянского зодчества и, несомненно, были привнесены в Россию итальянскими мастерами. В других странах Европы зубцы такой формы почти не встречаются, за исключением только крепостей госпитальеров XV–XVI вв. (Родос, Бодрум и др.), но там они появились также благодаря итальянским мастерам, находившимся на службе у Ордена св. Иоанна.

Практически все исследователи русских крепостей отмечали это итальянское нововведение, однако никто не ставил вопрос о символичности этого выбора. Конечно, большинство прибывавших в Россию итальянских зодчих происходило из северной Италии, и прототипом для Московского Кремля послужил замок Сфорца (Кастелло Сфорцеско) в Милане. И тем не менее, я уверен, что выбор этот был не случайным.

В Италии зубцы в форме ласточкиного

хвоста были знаком того, что владелец замка принадлежал к гибеллинам, то есть являлся сторонником германских императоров (полагают, что такая форма зубцов отображает взмах крыльев орла, изображенного на императорском гербе). Противником гибеллинов была партия гвельфов, которая поддерживала папство. Гвельфы оставили на своих замках традиционные прямоугольные зубцы. Противостояние этих двух политических партий началось еще в XII в. при императоре Священной Римской империи Фридрихе I Барбароссе, стремившемся подчинить всю Италию. Борьба гвельфов и гибеллинов началась во Флоренции, но быстро распространилась по всей Италии. К XV в. зубцы в форме ласточкиного хвоста были наиболее типичны для североитальянских замков, редко встречаясь в фортификации других регионов Италии, где предпочтение отдавали обычным прямоугольным зубцам.

При строительстве Московского Кремля итальянские зодчие возвели зубцы в форме ласточкиного хвоста. Возможно, сами зодчие, происходившие из Северной Италии, были гибеллинами. Но, несомненно, последнее слово оставалось за великим князем Московским, который не мог не знать о противоборстве партий гвельфов и гибеллинов в Италии. На наш взгляд, выбор зубцов в форме ласточкиного хвоста был важным политическим шагом, следствием концепции «Москва — Третий Рим» (Рим — Константинополь — Москва). Иван III, считавший себя главой последней мощной православной державы, противопоставлял себя Папе Римскому.

Любопытно, что именно к этому времени (конкретно — к 1497 г.) относится появление в истории отечественной геральдики двуглавого орла на печати Ивана III. Обычно оно трактуется как византийское заимствование (следствие женитьбы Ивана III на Софье Палеолог), но возможно и заимствование символа у императора Священной Римской империи. Двуглавый орел использовался в гербе Габсбургов, и его изображение несли послания к московскому двору Максимилиана I Габсбурга (1459–1519 гг.). Если форма двурогих зубцов действительно отображает взмах крыльев двуглавого орла, то их появление на стенах Московского Кремля и вслед за ним целого ряда других русских кремлей (Новгородского, Нижегородского, Тульского,

Коломенского, Зарайского) вдвойне символично.

Влияние итальянских форм, в том числе зубцов в форме ласточкиного хвоста, оказалось на удивление живучим. На основе итальянских принципов фортификации XV в. были построены стены Казанского кремля, Белого города в Москве (1586–1593 гг.), кремль в Астрахани (1582–1589 гг.), замок-резиденция Бориса Годунова Борисов-городок (заложен в 1598 г.), пограничные крепости Смоленск (1596–1602 гг.) и Можайск (1624–1626 гг.), не говоря уже о многочисленных оградах монастырей XVI–XVII вв. То есть итальянское влияние сказывалось в русской фортификации вплоть до XVII в., несмотря на то, что последний итальянский зодчий бежал из России в 1538 г.

Особенно показательно возведение пограничной Смоленской крепости. Строившаяся в 1596–1602 гг. знаменитым зодчим Федором Конем на западной границе ввиду надвигавшейся опасности эта крепость мыслилась именно как боевая. И несмотря на то, что к тому времени в России уже были примеры более совершенных крепостей, построенных на принципах бастионной фортификации (пристройка к Ладужской крепости и Малый Земляной город в Новгороде), Смоленская крепость не имеет бастионов, а ее стены и башни средневековой формы, причем зубцы крепости несут изображение ласточкиного хвоста.

Такой привязанности к ставшим к тому времени уже архаичными итальянским формам конца XV в. может быть только одно объяснение: в России образ крепости был прочно связан со средневековыми башнями и стенами. Крепости бастионного начертания считались непредставительными и недостаточно надежными с точки зрения обороноспособности. Подтверждением этому служат неединичные факты отказа от строительства бастионных укреплений в пользу хотя и архаичных, но каменно-кирпичных. Например, в 1653 г. уже развернувшиеся работы по укреплению Кирилло-Белозерского монастыря земляными бастионами были свернуты, так как монахи обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой построить им не бастионы, а высокие каменные стены и башни, что, в конце концов, и было осуществлено в 1654–1680 гг. После возвращения Смоленска в 1654 г. русские воеводы неоднократно предлагали срыть пятиугольный Королевский бастион, построенный

поляками, и на его месте поставить каменную стену. Но даже там, где укрепления бастионного начертания все же строились, в дополнение к ним возводили деревянную или каменную стену (Ладужская крепость, Малый Земляной город Новгорода, Земляной город в Москве, Архиерейский дом в Ростове). Коренная ломка этого мировоззрения произойдет только в XVIII в., когда русская фортификация окончательно откажется от средневековых форм и перейдет на полигональные крепости бастионного начертания.

Несмотря на сильное итальянское влияние, крепости Московского государства не стали слепой копией итальянских замков. Они сохранили элементы самобытности, сказавшиеся в декоре фортификаций, форме бойниц, покрытии стен и башен тесовой кровлей (в итальянских замках стены и башни либо крыли черепицей, либо оставляли непокрытыми). Получившая распространение в России в XVII в. практика побелки укреплений сделала контраст между русской и итальянской фортификацией еще разительнее.

И еще одна особенность отличала русские крепости от итальянских замков: над воротами русских крепостей обязательно помещали икону или часовню. По словам Павла Алеппского: «Все эти надворные иконы имеют кругом широкий навес из меди и жести для защиты от дождя и снега. Перед каждой иконой висит фонарик, который спускают и поднимают на веревке по блоку; свечи в нем зажигают стрельцы, стоящие при каждых воротах с ружьями и другим оружием». В деревянных воротных башнях острогов в балконах над воротным проездом часто размещали небольшие часовни. К каменно-кирпичным воротным башням также порой пристраивали храмы-часовни изнутри или снаружи. Считалось, что благодаря иконам или часовням воротные башни, как самые слабые места крепости, получали покровительство святых.

В заключение мне бы хотелось отметить, что кремли времени Московского государства, и в первую очередь Московский Кремль, — это не только военно-оборонительные сооружения, не просто городские цитадели. Немалую роль в их оформлении играли политические и религиозные символы. И в сознании русского человека долгое время символом крепости и мощи оставались средневековые стены и башни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. — СПб., 1858.
2. Жеребов Д. К., Майков Е. И. Русское военно-инженерное искусство в XVI–XVII вв. // Из истории русского военно-инженерного искусства. — М., 1952. — С. 25–50.
3. Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. — М., 1962.
4. Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. — М., 1964.
5. Епифанов П. П. Крепости // Очерки русской культуры XVI в. — Ч. 1. — М., 1977.
6. Важинский В. М. Городовое дело в России в XVII веке (по материалам южных уездов) // Вехи минувшего: Учёные записки исторического факультета. — Вып. 3. — Липецк, 2003. — С. 19–41.
7. Бусева-Давыдова И. Л. Кремль и монастырь: к типологии архитектурных ансамблей // Кремли России: Тезисы доклада Всероссийского симпозиума. — М., 1999. — С. 10–11.
8. Русов А. Л. Кремли и монастыри Москвы. — М., Б/г.
9. Пенской В. В. «Военная революция», *trace italienne* и русская фортификация конца XV–XVI в. // Вопросы истории фортификации. — 2010. — № 1. — С. 70, 71.
10. Nossov K. The Fortress of Rhodes, 1309–1522. — Oxford, 2010. — P. 16, 25, 26.
11. Мильчик М. И. Итальянские мастера — строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. — Вып. 5 (15). — СПб., 1995. — С. 184–202.
12. Мильчик М. И. История Ивангорода в конце XV–XVI вв. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород: Новые открытия. — СПб., 1997. — С. 13–63.
13. Мильчик М. И. Кремли России, построенные итальянцами, и проблема их дальнейшего изучения // Кремли России (материалы и исследования ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль», Вып. XV). — М., 2003. — С. 509–517.
14. Мильчик М. И. Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля. История и культура. — Коломна, 2009. — С. 128–146.
15. Носов К. С. Итальянизмы в русском военном зодчестве конца XV–XVII вв. // Архитектура. Искусство. Археология: Проблемы изучения и сохранения культурного наследия: Материалы I Международной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону, 2008. — С. 96–99.
16. Носов К. С. Итальянское влияние на русское оборонительное зодчество // Военно-исторический журнал. — 2009. — № 5. — С. 46–51;
17. Носов К. С. Русские крепости конца XV–XVII вв. — СПб., 2009. — С. 86–108.
18. Носов К. С. Особенности русской фортификации XVI–XVII вв. // ВИФ. — 2010. — № 1. — С. 65–67.
19. Фивейская М. Г., Чернышева О. Н. Российская государственная и региональная символика. — М., 2010. — С. 24, 26.
20. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая Государева крепость. — Л., 1972. — С. 120–124.
21. Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1978 г. — М., 1979. — С. 498, сн. 152.
22. Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. — М., 1898. — Вып. 4. — С. 8.